

О. Н. Дудченко, А. В. Мытиль

СПЕЦИФИКА ГРУППЫ ПОЖИЛЫХ КАК ОБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5739

Дудченко Ольга Николаевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: odoudchenko@gmail.com

Мытиль Анна Владимировна – старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: awmytil@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем и рисков, возникающих из необходимости переориентации социальной политики с эксклюзии на инклюзию пожилых россиян. Вопрос о пересмотре содержания и приоритетов социальной политики в отношении пожилых людей возникает в связи с неуклонной тенденцией старения населения, переломить которую до сих пор не удалось ни одной развитой стране. В России проблемы, существующие во всех странах, находящихся в стадии «глубокой демографической старости», отягощаются спецификой социального самочувствия и качества жизни пожилых людей, обусловленной культурно-социальным контекстом. В статье отмечается, что комплекс проблем, связанных с положением пожилых россиян, создаёт дополнительные риски для перехода к инклюзивной модели социальной политики. К их числу можно отнести: отсутствие клиентоориентированности в качестве принципа организации системы здравоохранения; распространённость и устойчивость негативных стереотипов восприятия старости, отношение общества к пожилым людям как к аутсайдерам; отсутствие целостной и непротиворечивой системы социально-психологических знаний о группе пожилых людей. Авторы фокусируют внимание на тех задачах, которые встают в связи с этим перед политиками, чиновниками и экспертами, участвующими в разработке и реализации социальной политики, и возможных путях решения этих задач. В частности, речь идёт о дифференциации социальной политики в отношении разных возрастных групп пожилых россиян. Предлагается новый подход к определению приоритетных задач и основных направлений социальной политики применительно к конкретным возрастным сегментам её адресатов, базирующийся на комплексном анализе данных эмпирических исследований. Основой для подготовки статьи выступили результаты эмпирических проектов (2014–2016 гг.), реализованных авторами, а также данные других отечественных и зарубежных исследований, анализ нормативно-законодательной базы.

Ключевые слова: социальная политика, старение населения, социальная инклюзия, социально-экономический потенциал, занятость.

Постановка проблемы

Актуальность обращения к теме пожилых людей в качестве объекта социальной политики обусловлена несколькими объективными факторами. Первый из них – это вызов старения населения, с которым оказались лицом к лицу многие

страны, в том числе и Россия. По самым оптимистичным прогнозам, которые даёт официальная статистика, уже в 2030 г. каждый четвёртый россиянин будет в возрасте 60 лет и старше [Росстат., 2017]. Но даже сейчас, когда доля россиян пожилого возраста составляет 20,2%, наша страна, согласно международным методикам оценки, находится в стадии «глубокой демографической старости» [Старшее поколение..., 2014].

В то же время в мировой практике до сих пор не выработаны действенные универсальные рецепты существенного замедления процесса старения населения, не дающие побочных эффектов. В качестве иллюстрации непредусмотренных, но очевидных побочных социально-экономических проблем можно привести реализацию популярной в своё время идеи компенсировать старение населения за счёт стимулирования трудовой иммиграции из регионов, для которых характерен высокий уровень рождаемости. Мировой опыт показывает, что при помощи иммиграции нельзя предотвратить процесс старения населения [Смирнов, 2004], зато можно получить дополнительную комплексную проблему в виде необходимости адаптации мигрантов во избежание наступления неминуемой культурной напряжённости.

Ещё одна тема, связанная с проблемой старения населения, – необходимость увеличения пенсионного возраста. Она спорадически возникает в информационном пространстве по разным поводам, в том числе в связи с международными практиками. Действительно, в ряде европейских стран (например, в Германии и Франции) несколько лет назад был повышен возраст выхода на пенсию, хотя и до этого он был выше, чем в России, где он остаётся неизменным (55 лет – для женщин, 60 лет – для мужчин) начиная с середины 30-х годов прошлого века.

Изменение планки пенсионного возраста – самостоятельный вопрос, который было бы опрометчиво жёстко связывать с проблемой старения населения и тем более рассматривать в качестве универсального её решения. Это, скорее, неизбежная реакция государства на процесс старения, чем мера, которая может его изменить.

Также необходимо помнить о неэффективности прямого заимствования даже наиболее успешных образцов зарубежных программ, направленных на активизацию социально-трудового потенциала пожилых людей. Здесь речь идёт и о своеобразии культурно-исторического контекста, и о возможности создания институциональной базы для инновации, о необходимости которой в своё время убедительно говорил В. М. Полтерович [Полтерович, 2004].

Возможно, отсутствие в настоящее время эффективных мер по адаптации общества к процессу старения населения связано с тем, что им должны предшествовать осознание глобальности перемен, выработка нового видения социальной политики в условиях «глубокой демографической старости» общества. Направление концептуального видения в условиях старения населения уже очевидно – переход от политики социальной эксклюзии, акцентированной

на помощи в экономическом выживании пожилых людей, при которой они рассматриваются как обуза, обременение, балласт общества, к политике их социальной инклюзии, в рамках которой пожилые люди являются ресурсом развития общества.

В связи с этим необходимо отметить, что идея интеграции, участия, активного вовлечения представителей старшего поколения в общественную жизнь заложена в основу «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» (далее — Стратегия) [Распоряжение Правительства., 2016: 1–2]. Однако, как хорошо известно, путь от оформления идеи в виде программного документа до практической реализации и получения искомого социального эффекта извилист, непрост. В статье мы рассматриваем ряд проблем и рисков, связанных с переориентацией на инклюзивную модель социальной политики в отношении пожилых россиян.

Эмпирическая база исследования

Многие особенности российской ситуации, важные для разработки и реализации социальной политики в отношении пожилых людей, стали понятны из сопоставления данных, полученных авторами в ходе нескольких исследовательских проектов, затрагивающих различные аспекты темы. Некоторые из этих исследований были сфокусированы собственно на анализе проблем старшего поколения:

- «Отношение россиян к пенсии», 2014 г. Объектом исследования выступали респонденты в возрасте 25–50 лет с уровнем дохода не ниже 10 тыс. руб. в месяц, проживающие в пяти регионах РФ. В ходе исследования применялось сочетание качественных (фокус-группы) и количественных (телефонное интервью по формализованной анкете) методов. Общее число участников фокус-групп — 132 человека; респондентов, опрошенных по телефону, — 2782 человека.

- Комплексное исследование пожилых людей, сотрудников социальных служб, ветеранских советов в рамках подготовки доклада Департамента труда и социального обеспечения г. Москвы «Старшее поколение: активное долголетие. Московская модель», 2015–2016 гг. В ходе исследования было опрошено 77 москвичей в возрасте 60 лет и старше (индивидуальные и групповые интервью), 12 сотрудников центров социального обслуживания (ЦСО) разных районов Москвы (экспертный опрос).

Помимо этого, необходимо упомянуть несколько исследовательских проектов, которые позволили выявить специфику отдельных аспектов жизнедеятельности пожилых москвичей. В первую очередь, это «Мониторинг социально-психологического самочувствия москвичей», в рамках которого в 2014 г. было опрошено методом анкетирования 738 москвичей, из них 127 человек были в возрасте 60 лет и старше.

Также необходимо сказать несколько слов о международном исследовании качества жизни пожилых людей, которое мы привлекаем для возможности осуществления межстрановых сравнений. Это исследование «The Global AgeWatch», целью которого является охват многоаспектного характера качества жизни и благополучия пожилых людей и определение средств, с помощью которых оно (качество) может быть улучшено. Индекс рассчитывается на основе 13 индикаторов, которые, в свою очередь, входят в четыре основных фактора [The Global AgeWatch, 2015]. Несмотря на «молодость» этого индекса (октябрь 2013 г.), он уже получил признание в качестве одного из наиболее обоснованных глобальных инструментов отслеживания социально-экономического положения пожилых людей [Павлова и др., 2017].

Социальная инклюзия пожилых: проблемы и риски

Начнём с наиболее очевидной и серьёзной проблемы: ситуация с пожилыми людьми в России является более сложной, чем в развитых странах, которые тоже столкнулись с очевидностью неуклонного процесса старения населения. Некоторые авторы определяют тип старения населения, характерный для Российской Федерации, как социально-патологический, принимая во внимание в первую очередь низкую продолжительность жизни населения и ещё более низкий уровень продолжительности здоровой жизни [Старшее поколение..., 2014]. По данным мониторинга ВОЗ «Глобальное бремя болезней», в 2013 г. ожидаемая продолжительность жизни в РФ составляла 76,7 лет для женщин и 65,7 лет для мужчин, а ожидаемая продолжительность здоровой жизни — 66,6 и 58,9 лет соответственно [Global..., 2013]. Получается, что российские мужчины в целом более года дорабатывают до пенсионного возраста (60 лет) в состоянии ограниченной трудоспособности.

Проблема сохранения здоровья, а также доступности и качества медицинского обслуживания является, наиболее острой для пожилых россиян [Козырева и др., 2013]. Благодаря данным Мониторинга социально-психологического самочувствия москвичей можно выделить два переломных момента, когда происходит переосмысление отношения к своему здоровью, восприятия его проблемности¹. Первый — это рубеж 30 лет: доля тревожащихся за своё здоровье возрастает с 39%, характерных для молодых людей младше 30 лет, до 51% среди тридцати- и сорокалетних. Второй — это рубеж 50 лет: среди тех, кому за 50, уровень тревожности подскакивает до 76%. И остаётся достаточно стабильным в следующих возрастных когортах.

В чём не было выявлено статистически значимых различий между возрастными группами — это в уровне тревожности относительно потери или отсутствия хорошей работы. Сохранение рабочего места или поиск новой работы — это тоже,

¹ Критерий Манна-Уитни, значимость межгрупповых различий на уровне $\leq 0,000$.

как и сохранение здоровья, актуальная проблема для россиян, приближающихся к пенсионному возрасту или достигших его [Неработающие пенсионеры..., 2014; Доброхлеб, 2014; Козырева, Смирнов, 2017].

Таким образом, следующий показатель, который связан с первыми двумя (продолжительность жизни, продолжительность здоровой жизни), также определяет специфику нашей страны — это уровень вовлечённости пожилых людей в трудовую деятельность. С одной стороны, он существенно ниже, чем во многих развитых странах. По данным The Global AgeWatch, в 2015 г. среди пожилых людей в возрасте 55–64 лет в России работала только половина (50,1%), тогда как, например, в Исландии — 81,1%, в Швеции — 73,6%, в Японии — 67%, в Канаде — 60,5%. [The Global AgeWatch, 2015]. С другой стороны, данный показатель существенно выше, чем в странах бывшего социалистического лагеря (кроме Чехии) и некоторых бывших советских республиках (кроме стран Балтии, Армении и Грузии). При этом практически во всех этих странах (кроме Украины и Беларуси) пенсионный возраст выше, чем тот, который существует в настоящее время в России.

Воспользовавшись базой The Global AgeWatch, мы провели регрессионный анализ¹ с целью определения факторов, в наибольшей степени влияющих на долю пожилых людей, вовлечённых в трудовую деятельность. В качестве предикторов мы выбрали пять показателей, которые характеризуют различные аспекты социально-экономической жизни пожилых людей и не являются непосредственно связанными друг с другом:

- доля людей в возрасте 65 лет и старше, получающих пенсию;
- пенсионный возраст;
- ожидаемая продолжительность здоровой жизни после 60 лет;
- доля людей в возрасте 60 лет и старше, имеющих среднее или высшее профессиональное образование;
- доля людей старше 50 лет, имеющих родственников, друзей, к которым могут обратиться за помощью.

Как и можно было ожидать [Малева, Синявская, 2010], результат регрессионного анализа показал, что пенсионный возраст оказывает наименьшее влияние на вопрос о продолжении трудовой деятельности в пожилом возрасте. Иначе говоря, его ожидаемое повышение вряд ли существенно отразится на увеличении доли работающих пожилых людей. Более значимым оказался фактор социального одиночества: чем уже непосредственный круг общения пожилого человека, тем с большей вероятностью он будет стремиться продолжать трудовую деятельность. Это подтверждает вывод о том, что желание пожилых людей *«работать до последнего»*, *«пока здоровье позволяет»* имеет не только экономическую основу (*«на пенсию прожить нельзя»*), но и социальную — потребность быть включённым в социальную жизнь [Мытиль, Дудченко, 2017].

¹ Линейная регрессия по методу принудительного включения ($R=0,7$, $R^2=0,47$).

Наиболее сильными предикторами оказались: а) здоровье (продолжительность качественной жизни); б) доход (наличие пенсионного обеспечения); в) уровень образования. Именно эти факторы определяют как возможности, так и ограничения для более активного вовлечения пожилых россиян в трудовую деятельность. Очевидно, что усилия, направленные на совершенствование системы медицинского обслуживания, а также на повышение культуры само-сохранительного поведения, внесут наибольший вклад в повышение трудового долголетия россиян. Так, согласно данным регрессионного анализа, повышение продолжительности здоровой жизни на один год приведёт к десятипроцентному росту занятости среди пожилых людей, и это будет в два раза более эффективно, чем повышение пенсионного возраста на 2,5 года. Наоборот, наиболее сильной ограничительной мерой будет постановка пенсионеров перед альтернативой: продолжить работать, но лишиться пенсионных выплат, или получать пенсию, но завершить трудовую деятельность.

В настоящее время не очень понятно, в чём заключаются стратегические приоритеты в отношении занятости пожилых россиян — в повышении уровня их трудового участия или, наоборот, в его сокращении в пользу создания больших возможностей для молодых и зрелых (до 40—45 лет) работников? В Стратегии декларируется задача более активного использования опыта пожилых людей, но не очень понятно, о какой сфере идёт речь: экономической (работа) или социальной (вид государственного волонтерства).

И в одном, и в другом случае возникает много вопросов, но очевидно, что выбор необходимо сделать, поскольку в настоящее время трудовая и социальная активность пожилых людей, как правило, является взаимоисключающей. В результате исследования клиентов центров социального обслуживания выявлена устойчивая закономерность: обращение пожилых людей в ЦСО происходит только по окончании ими трудовой деятельности. Ветеранские советы, которые наряду с ЦСО обеспечивают социальную инклюзию, тоже привлекают только тех пожилых людей, которые либо сознательно окончили свою трудовую деятельность, либо оказались невостребованными на рынке труда.

Один из наиболее существенных вопросов, связанных с успешностью реализации программ, направленных как на экономическую, так и на социальную инклюзию пожилых россиян, — это изменение образа самой группы пожилых, который в настоящее время обременён стереотипной негативной коннотацией.

Таким образом, вторая проблема, связанная с необходимостью переориентации социальной политики на инклюзию пожилых россиян, — это изменение отношения общества к пожилым людям как к аутсайдерам, как к ненужному, отработанному балласту. Результаты исследований показывают, что пожилых людей, как правило, не хотят видеть соседями, сослуживцами, наёмными работниками [Елютина, Смирнова, 2006; Смирнова, 2008; Писарев, 2004]. Всего 28% пожилых людей ощущают себя нужными и полезными членами семьи [Щанина, 2013]. Традиции современной культуры предписывают пожилым людям проблемный, девиантный статус,

обусловленный представлением об истощении их ресурсов [Елютина, 2010]. К ним относятся как к выработанному ресурсу [Старшее поколение..., 2014], задача которого – тихо доживать, не тревожа близких людей и общество в целом.

Учитывая всё это, кажется неслучайным, что, по данным The Global AgeWatch, Россия в 2015 г. занимала 82-е место (среди 96 стран) по критерию благоприятных условий, созданных в обществе для пожилых людей [The Global AgeWatch, 2015].

Характерно, что, как свидетельствуют результаты исследований, большинство пожилых россиян принимают роль «выработанного ресурса», предписанную обществом. Так, пожилые россияне традиционно являются наибольшими социальными пессимистами [Красильникова, 2008; Примако, 2010; Козырева, Смирнов, 2017; Дудченко, Мыгиль, 2015]. У пожилых людей начиная с 50-летнего возраста повышается уровень тревожности, резко снижается уверенность в том, что они могут самостоятельно влиять на уровень своего благополучия [Третий возраст..., 2015].

Как отмечал А. Левинсон, «в сознании наших сограждан, увы, нет места для идеи старости как “хорошего возраста”» [Левинсон, 2005]. И это, в первую очередь, мешает активизации потенциала старшего поколения, улучшению качества их жизни, изменению взгляда на роль пожилых людей в обществе. В идеале же пожилой возраст – «определённый этап зрелости, приобретающий собственное равновесие и открывающий перед индивидом новые социальные возможности» [Калькова, 1994].

По данным Центра исследований рынка труда (ЦИРТ) ИЭ РАН, женщины начинают испытывать трудности при найме на работу за 15 лет до наступления пенсионного возраста (с 40 лет), а мужчины – за 10 (с 50 лет) [Четвернина, 2003]. Как следует из социологического опроса, проведённого Федеральной службой занятости г. Москвы [Старшее поколение..., 2014], при приёме на работу возрастная дискриминация лидирует среди других видов (дискриминация по семейному положению, полу, национальности). Факт дискриминации кандидатов на вакантную должность по возрастному признаку [Старшее поколение..., 2015] в настоящее время невозможно юридически обосновать, поскольку ни в одном из основных законодательных документов – Конституции РФ, Трудовом кодексе – нет отсылки на пожилой возраст как объект специального регулирования.

Таким образом, очевидно, что социальные программы, ориентированные на инклюзию пожилых россиян, могут столкнуться с их неприятием как окружающей средой (работодатели, непосредственная среда общения), так и самими пожилыми людьми.

Третья проблема – это отсутствие системы социально-психологических знаний о группе пожилых людей. Естественно, что без этих знаний невозможно разработать и эффективно осуществить практические меры по социальной инклюзии этой группы россиян. Нереально активизировать социально-экономический, культурный потенциал этой социальной группы без знания и понимания этого потенциала.

До сих пор отсутствует общепризнанная общественно-научная парадигма старшего возраста. До сих пор поддерживается в вялотекущем состоянии дискуссия о возрастной периодизации внутри группы пожилых людей. Вопрос о наличии ресурсов у этой группы уже решён в положительную сторону, но, скорее, с подачи практиков, чем теоретиков, а предложения новых ресурсных моделей крайне редки. Более того, наши представления о социальной группе людей пожилого возраста имеют, скорее, умозрительный характер, основанный в основном на физиологических, медицинских и психологических исследованиях.

Что такое «группа пожилых людей» в социологическом смысле? Является ли это исключительно назывным определением, или необходимо рассматривать отдельные подгруппы, начиная с 60-летнего возраста? Особенно учитывая то, что именно эта группа является наиболее динамичной в условиях информационно-технологического прогресса: с каждым годом в старшую возрастную категорию переходит все больше людей, чей образ жизни предполагает активное пользование современными информационными технологиями. Какие модели поведения характерны для пожилых людей? Какие социальные программы будут наиболее активно восприняты пожилыми людьми, а какие могут дать наиболее значимый эффект инклюзии?

Эти и другие вопросы, на наш взгляд, являются наиболее значимыми и для научного исследования, и для социального проектирования, администрирования. И, возможно, наличие схожих интересов в отношении изучения группы пожилых является базой для установления диалога между научным, экспертным сообществом и представителями законодательной власти, перед которыми стоит задача ответить на вызовы, связанные со старением населения.

Дифференциация социальной политики в отношении разных групп пожилых людей

Современные исследователи и политики единодушны в том, что группа пожилых не является однородной. Существует согласованность мнений и в отношении принципов внутреннего деления группы — это степень дееспособности пожилых людей, их способность и готовность участвовать в трудовой деятельности, вести активный образ жизни [Доброхлеб, 2008]. Отсюда — необходимость выделения разных возрастных подгрупп внутри группы пожилых людей как объекта изучения и адресата социальной политики. С ростом продолжительности жизни эта задача становится всё более актуальной. Слишком уж велики различия в показателях здоровья, уровне социальной и трудовой активности, в потребностях и специфике образа жизни людей, только достигших пенсионного возраста, и долгожителей.

Однако до сих пор нет единства в периодизации возрастных подгрупп внутри совокупности пожилых людей [Василенко, 2005; Русанова, 2014; Холостова, 2003]. Приоритетной задачей в данный момент является, на наш взгляд, качественное описание разных возрастных подгрупп пожилых людей с точки зрения специ-

фики их потребностей, в том числе потребностей в разных формах социальной поддержки. Количественное обозначение пороговых значений групп – это самостоятельная задача моделирования в постоянно изменяющихся социально-демографических условиях.

Анализ результатов ряда исследований, проведённых авторами, их сопоставление с результатами других исследовательских проектов позволяют предложить некоторые характеристики такого описания. Они основаны на ощущении объективной неизбежности социальной инклюзии пожилых людей, повышения качества их жизни. Необходимо отметить, что это видение солидарно постановке задачи в государственных стратегических документах [Распоряжение Правительства., 2016; Стенографический отчёт., 2014].

Необходимо подчеркнуть, что такое понимание задачи и направления социальной политики далеко выходит за рамки заботы о благополучии отдельной возрастной группы. Оно напрямую связано с целым рядом глобальных социально-экономических процессов. Например, результаты нашего исследования отношения россиян к пенсии убедительно говорят о том, что именно негативные ассоциации с образом старости, пессимистические ожидания, связанные с переходом в группу пожилых, заставляют людей среднего и молодого возраста избегать размышлений о своём будущем. Это является серьёзным барьером для построения долгосрочных жизненных стратегий, в том числе и в отношении пенсионных накоплений.

На основании анализа эмпирических данных мы выделили три подгруппы пожилых людей, нуждающихся в совершенно разных формах социальной поддержки.

Группа 1. Потенциально экономически активные пожилые люди. Как показывают результаты исследований, наиболее высокий уровень показателей социального самочувствия характерен для тех пожилых людей, кто, достигнув пенсионного возраста, продолжает свою профессиональную карьеру. Они значительно реже тех, кто оставил работу, испытывают какие-либо материальные и психологические затруднения, у них нет потребности в обращении за социальной помощью.

Социальная инклюзия этой возрастной подгруппы обеспечивается без каких-то специальных мер, за счёт включённости в профессиональное сообщество, трудовой коллектив.

Нужно отметить, что большая часть посетителей социальных центров, не достигших возраста 70 лет, как и некоторые из тех, кто постарше, имеют физическую возможность и желание работать. Однако многие из них жалуются на проблемы с сохранением нынешнего или поиском будущего места работы. По сути, это те, кто не просто мог бы обойтись, но и с радостью обошёлся бы без традиционных социальных услуг, если бы как минимум не испытывал влияния возрастной дискриминации при трудоустройстве, а как максимум – получил бы содействие в поисках работы.

Отсюда – приоритетная задача социальной политики в отношении этой подгруппы пожилых людей (обеспечение условий для максимального продления их полноценной экономической активности) и её основные направления (правовая защита от возрастной дискриминации; информационная, консультационная, организационная поддержка со стороны служб занятости).

С определённой долей условности эту подгруппу можно назвать «молодые» пожилые», поскольку возможность и готовность продолжать карьеру существенным образом коррелирует с возрастом. В то же время предельный возраст сохранности потенциала экономической активности, с одной стороны, весьма индивидуален, а с другой – в большой мере зависит от изменения возможных форм занятости.

Группа 2. Неработающие пенсионеры, сохраняющие потенциал социальной активности. По данным исследований, наиболее серьёзный психологический дискомфорт пожилые люди испытывают в период адаптации к статусу неработающего пенсионера. Именно в это время происходит разрыв социальных связей, сужение круга источников информации, возникают ощущения невостребованности, дефицита общения, актуализируется потребность в новых формах социальной активности. И именно для этой возрастной подгруппы (условно – «пожилые среднего возраста») приоритетной является задача собственно социальной инклюзии.

Задачу социальной инклюзии этой группы в настоящее время более-менее успешно решают такие институты, как центры социального обслуживания населения и советы ветеранов. Они предлагают пожилым людям разные варианты активности: общественную работу, различные формы обучения, творческие и спортивные занятия, культурные и экскурсионные программы. Всё это чрезвычайно востребовано и высоко оценивается посетителями центров и членами советов ветеранов, основную часть которых составляют как раз представители группы неработающих пенсионеров.

С точки зрения значимости социальной инклюзии нужно подчеркнуть, что позитивные оценки получателей социальных услуг связаны по большей части не столько с конкретным наполнением их взаимодействия с центром, сколько с самой возможностью общения, ощущением, что им здесь рады, что о них и их потребностях кто-то подумал.

Основные направления социальной политики в отношении этой подгруппы пожилых людей также вытекают из анализа результатов эмпирических исследований. Первое из этих направлений – повышение уровня информированности пожилых людей об услугах, предоставляемых социальными центрами. Опросы пенсионеров, не являющихся клиентами таких центров, показывают, что главный барьер для обращения в них – не отсутствие запроса на их услуги, а отсутствие у потенциальных клиентов информации об этих услугах, а часто и о самом существовании подобных социальных служб.

Второе направление развития системы социальной поддержки этой возрастной подгруппы – обеспечение возможностей удовлетворения в полном объёме реальной потребности в услугах социальных центров. Многие из опрошенных нами экспертов из числа социальных работников отмечали, что одной из причин низкой информационной активности социальных служб, по их мнению, являются опасения, что они не справятся с потоком посетителей, который эта информационная активность может спровоцировать.

Третье направление работы – мониторинг изменения запросов клиентов социальных служб, создание механизмов адекватного реагирования на эти изменения. Множество обстоятельств – от последствий экономического кризиса

до прогресса информационных технологий — оказывают постоянное влияние на актуализацию или ослабление потребностей в уже существующих социальных услугах, появление запросов на новые формы работы. В частности, респонденты нашего исследования упоминали о востребованности таких пока ещё не входящих в общепринятый набор услуг, как юридические консультации на базе социальных центров или локальные социальные сети, позволяющие дистанционно общаться с другими клиентами центров социального обслуживания.

Группа 3. Старшая группа пожилых людей. Это те, кто в силу преклонного возраста или состояния здоровья обладают сниженным потенциалом социальной активности, а иногда и сниженной потребностью в социальных взаимодействиях. Эта группа составляет основную часть клиентов так называемых отделений домашнего социального обслуживания.

Для этих людей социальное обслуживание является не только необходимым условием их физического существования, но и зачастую единственной доступной им формой социальной инклюзии, поскольку речь идёт чаще всего о совершенно одиноких людях. Здесь приоритетной задачей является своего рода паллиативная помощь, а именно обеспечение максимально высокого качества жизни в условиях ухудшения состояния здоровья и накопления различных возрастных проблем.

Применительно к этой группе тоже можно обозначить актуальные направления социальной политики. Первое из них — выделение группы риска попадания в эту категорию и пристальный мониторинг состояния этих людей. Эксперты из числа работников социальных центров упоминали о том, что им периодически приходится сталкиваться со случаями, когда пожилые люди стараются, что называется, до последнего заботиться о себе самостоятельно, а потом происходит резкое ухудшение их здоровья и они просто не успевают обратиться за помощью.

Второе направление — выработка и применение гибких критериев при оценке потребности в домашнем обслуживании. По мнению экспертов, например, формальное наличие родственников далеко не всегда гарантирует как возможность получения бытовой помощи, так и тем более возможность реализации потребности в общении.

Третье очень важное направление — ориентация социальных работников на необходимость одновременного выполнения двух одинаково важных функций: не только физического обеспечения жизнедеятельности их клиентов, но и удовлетворения их потребности в социальной инклюзии.

Заключение

Опросы пожилых людей, являющихся актуальными или потенциальными реципиентами социальной поддержки со стороны государства, наблюдение работы социальных организаций, предоставляющих эту поддержку, убедительно

показывают, что эффективность этого направления социальной политики существенно страдает прежде всего из-за того, что акцент по-прежнему делается на мерах прямой помощи – в значительно большей степени, чем на формировании условий для реализации собственного социального и экономического потенциала пожилых россиян. С другой стороны, при формировании и реализации социальной политики в качестве её адресата подразумевается некий усреднённый образ пенсионера, и совершенно недостаточно учитываются различия в объективных характеристиках и потребностях разных сегментов целевой аудитории.

В связи с этим нам представляется важным отметить две приоритетные, на наш взгляд, задачи исследовательского обеспечения социальной политики в отношении пожилых людей. Первая задача – разработка единого подхода к определению критериев описания разных групп пожилых людей, требующих дифференцированного подхода к выбору мер социальной политики по отношению к ним. В этом тексте мы представили свои соображения по этому поводу, основанные на анализе имеющегося в нашем распоряжении массива эмпирических данных.

Вторая задача – постоянный мониторинг характеристик здоровья, социального самочувствия, объективных возможностей и потребностей разных групп пожилых людей. Специфика современной ситуации заключается в одновременном действии двух факторов, создающих предпосылки к тому, что эти характеристики будут меняться существенно более динамично, чем это происходило в предшествующие десятилетия. С одной стороны, происходит быстрое развитие технологий, необычайно расширяющих возможности сохранения трудовой, социальной, конsumerистской и любой иной активности для людей, чьи физические возможности с возрастом снижаются. С другой стороны, в число пожилых людей постепенно входят возрастные когорты, которые в фазе их активной занятости были в полной мере затронуты IT-революцией. Их навыки и опыт позволяют не только в полной мере пользоваться этими новыми технологиями, но и активно наращивать свои возможности в этой сфере.

Все эти обстоятельства формируют запрос на значительно более гибкую и дифференцированную, чем в настоящее время, социальную политику и серьёзно повышают требования к качеству её научного обоснования.

Выражения благодарности

Эмпирические исследования, положенные в основу нашего анализа, проведены при поддержке Департамента труда и социальной защиты г. Москвы, Службы психологической помощи населению г. Москвы, АНО «Совет по вопросам управления и развития». Авторы выражают благодарность О. Е. Грачёвой, О. А. Бессоловой, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцевой за помощь в организации исследований и понимание значимости научного изучения этой темы и в целом научного обоснования практических решений.

Список литературы

- Василенко Н.Ю.* Социальная геронтология. Учебное пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2005. 140 с.
- Доброхлеб В.Г.* Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.
- Дудченко О.Н., Мытиль А.В.* Как живётся пожилым москвичам (социально-психологическое исследование, 2014) // Третий возраст – энергия и опыт / Под ред. Э.Е. Чугуновой. М.: Акварель, 2015. С. 9–18.
- Елютина М.Э., Смирнова Т.В.* Геронтологическая составляющая кадровой работы современного руководителя // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 6–21.
- Елютина М.Э.* Супружеские отношения в пожилом возрасте // Социологические исследования. 2010. № 11. С. 83–92.
- Калькова В.Л.* Старость: Реферативный обзор [Электронный ресурс] // URL: <http://development2005.narod.ru/books/kalkova.htm> (Дата обращения: 29.12.2017).
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И.* Здоровье населения России: динамика и возрастные особенности (1994–2011 гг.) // Вестник Института социологии. 2013. № 6. С. 8–47.
- Козырева П.М., Смирнов А.И.* Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 64–73.
- Красильникова М.Д.* Люди старшего возраста – новые возможности или ещё одно ограничение // Вестник общественного мнения. 2008. № 5 (97). С. 9–18.
- Левинсон А.* Институт старости [Электронный ресурс] // Отечественные записки. Электронный журнал. 2005. № 3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut> (Дата обращения: 29.12.2017).
- Малева Т.М., Синявская О.В.* Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8 (8). С. 117–137.
- Мытиль А.В., Дудченко О.Н.* Проблема социальной инклюзии и трудовой занятости пожилых людей: ресурсы и риски // Труд и общество в реалиях XXI века: Сб. науч. статей / Отв. ред. Р.В. Карапетян. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 905–915.
- Неработающие пенсионеры о жизни на пенсии. [Электронный ресурс]: ФОМ [веб-сайт]. Электрон. дан. 24.01.2014: URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11310> (Дата обращения: 29.12.2017).
- Павлова И.А., Гумеников И.В., Монастырный Е.А.* Международные интегральные индексы как сравнительные методики макроуровня в оценке благополучия пожилого населения // Вестник науки Сибири. 2017. № 1 (24). С. 47–66.
- Писарев А.В.* Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 51–56.
- Полтерович В.М.* Общество и реформы. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.
- Примако Л.* Пожилые люди в России: проблема социальной напряжённости // Вестник общественного мнения. 2010. № 2 (101). С. 101–112.
- Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (Дата обращения: 29.12.2017).

Росстат. Демографический прогноз до 2035 года [Электронный ресурс]: Росстат [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Дата обращения: 28.06.2017).

Старшее поколение и будущее / [Н.М. Римашевская и др.]; под ред. Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование, 2014. 221 с.

Смирнов А.Т. Низкая рождаемость и старение населения: причины, последствия, варианты политики // Прогнозис. 2004. № 1. С. 185–198.

Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.

Старшее поколение москвичей: качество жизни и условия для активного долголетия / [Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб, О.Н. Дудченко и др.]; под ред. Е.А. Савостиной; АНО Совет по вопросам управления и развития. Москва: ООО Деловые и юридические услуги “ЛексПраксис”, 2015. 74 с.

Стенографический отчёт о заседании президиума Государственного совета «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста». [Электронный ресурс]: Президент России [веб-сайт]. Электрон. дан. 5 августа 2014 года. Воронеж. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46397> (Дата обращения: 29.12.2017).

Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми. Учебное пособие. 2-е изд. М: Дашков и К°. 2003. 296 с.

Четвернина Т.Я. Пожилые работники на российском рынке труда: уязвимость положения и формы дискриминации // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: МОТ, 2003. С. 112–128.

Щанина Е.В. Организация досуга пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 149–157.

Global, regional, and national disability-adjusted life years (DALYs) for 306 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE) for 188 countries, 1990–2013: quantifying the epidemiological transition // The Lancet. Vol. 386. № 10009. P. 2145–2191. DOI: [10.1016/S0140-6736\(15\)61340-x](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)61340-x).

The Global AgeWatch [веб-сайт]. URL: <http://www.helpage.org/global-agemwatch/> (Дата обращения: 05.06.2017).

Дата поступления в редакцию: 24.07.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5739

The Particular Characteristics of the Elderly as a Subject of Social Policy

Dudchenko Olga Nikolaevna

Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.
Krzhizhanovskogo str., 24/35, b. 5, Moscow, 117218, Russia. Email: odoudchenko@gmail.com

Mytil Anna Vladimirovna

Senior Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str., 24/35, b. 5.
Moscow, 117218, Russia. Email: awmytil@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to examining the problems and risks arising from the need to refocus social policy from the exclusion to inclusion of elderly Russian citizens. The issue of reviewing the content and focus of social policy in relation to the elderly has become more pertinent given the steady trend of populations becoming older – a trend which no developed country has yet been able to break out of. In Russia, the problems that exist in all countries at the “deep population aging” stage are complicated by the particular characteristics of social wellbeing and quality of life of elderly people resulting from the cultural and social backdrop. The article notes that the range of problems affecting the condition of elderly Russians poses additional risks to the move towards an inclusive model for social policy. These include: the lack of a client-oriented attitude as an organizing principle in the healthcare system, the pervasive and persistent nature of negative stereotypes about aging, society’s attitude towards elderly people as outsiders, and the lack of a comprehensive and coherent system of sociopsychological knowledge concerning elderly people. The authors focus their attention on the challenges facing the politicians, civil servants and experts involved in developing and implementing social policy, and the potential methods of finding solutions to these challenges. In particular, the topic of diversifying social policy regarding different age groups of elderly Russians is addressed. The authors propose a new approach to identify the top priorities and main focus of social policy in relation to the specific age groups it focuses on, based on a comprehensive analysis of empirical research data. The foundations of this article were results of empirical studies (2014–2016) carried out by the authors, as well as information from other domestic and foreign research and analysis of the normative legal foundation.

Keywords: social policy, population ageing, social inclusion, social and economic potential, employment.

REFERENCES

- Chetvernina T.Ya. Pozhilye rabotniki na rossijskom rynke truda: uyazvimost’ polozheniya i formy diskriminacii [Older workers on the Russian labor market: the vulnerability of the position and form of discrimination]. *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniya staryh problem*. M.: MOT publ., 2003. P. 112–128. (In Russ.).
- Dobrohleb V.G. Resursnyj potencial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the elderly population of Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008. № 8. P. 55–61 (In Russ.).
- Dudchenko O.N., Mytil’ A.V. Kak zhivetsya pozhilym moskvicham (sotsial’no-psikhologicheskoe issledovanie, 2014) [How is life in elderly Muscovites (socio-psychological study)]. *Tretij vozrast – energiya i opyt. Sbornik*. ANO «Sovet po voprosam upravleniya i razvitiya». M.: Akvarel’ publ., 2015. 86 p. (In Russ.).
- Elyutina M.E., Smirnova T.V. Gerontologicheskaya sostavlyayushchaya kadrovoj raboty sovremennogo rukovoditelya [Gerontological component of personnel work of a modern manager]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2006. № 3. P. 6–21 (In Russ.).
- Elyutina M.E. Supruzheskie otnosheniya v pozhilom vozraste [Marital relations in old age]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2010. № 11. P. 83–92 (In Russ.).
- Holostova E.I. *Social’naya rabota s pozhilymi lyud’mi. Uchebnoe posobie. 2-e izd.* [Social work with the elderly. Textbook. 2nd ed.]. M: Dashkov i K^o publ., 2003. 296 p. (In Russ.).
- Kal’kova V.L. *Starost’: Referativnyj obzor* [Old age: an abstract review]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://development2005.narod.ru/books/kalkova.htm> (Data obrashcheniya: 29.12.2017) (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Nizamova A. EH., Smirnov A. I. Zdorov’e naseleniya Rossii: dinamika i vozrastnye osobennosti (1994–2011 gg.) [Health of the Russian population: dynamics and age peculiarities (1994–2011)]. *Vestnik Instituta sociologii*. 2013. № 6. P. 14–18 (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Rossijskie pensionery v usloviyah krizisa [Russian pensioners in crisis]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2017. № 1. P. 64–73 (In Russ.).

Krasil'nikova M. D. Lyudi starshego vozrasta – novye vozmozhnosti ili eshchyo odno ogranichenie [Older people: new opportunities or another restriction]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2008. № 5 (97). P. 9–18 (In Russ.).

Levinson A. Institut starosti [Institute of old age]. [Elektronnyj resurs]. *Otechestvennye zapiski*. 2005. № 3 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut> (Data obrashcheniya: 29.12.2017) (In Russ.).

Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. Povyshenie pensionnogo vozrasta: pro et contra [Raising the retirement age: pro et contra]. *ZHurnal novej ehkonomicheskoy associacii*. 2010. № 8 (8). P. 117–137 (In Russ.).

Mytil' A. V., Dudchenko O. N. Problema social'noj inkluzii i trudovoj zanyatosti pozhilyh lyudej: resursy i riski [Social inclusion and employment of older persons: resources and risks]. *Trud i obshchestvo v realiyah XXI veka: Sb. nauch. Statej*. Ed. by. R. V. Karapetyan. SPb.: Skifiya-print publ., 2017. P. 905–915 (In Russ.).

Nerabotayushchie pensionery o zhizni na pensii [Non-working pensioners living in retirement] 24.01.2014. [Elektronnyj resurs]: FOM [veb-sajt]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11310> (Data obrashcheniya: 29.12.2017) (In Russ.).

Pavlova I. A., Gumennikov I. V., Monastyrnyj E. A. Mezhdunarodnye integral'nye indeksy kak sravnitel'nye metodiki makrourovnya v ocenke blagopoluchiya pozhilogo naseleniya [International integrated indices as comparative macro-level methods in assessing the well-being of the elderly population]. *Vestnik nauki Sibiri*. 2017. № 1 (24). P. 47–66 (In Russ.).

Pisarev A. V. Obraz pozhilyh v sovremennoj Rossii [The image of the elderly in modern Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2004. № 4. P. 49–66 (In Russ.).

Polterovich V. M. Obshchestvo i reformy. Institucional'nye lovushki: est' li vyhod? [Society and reform. Institutional traps: is there a way out?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004. № 3. P. 5–16 (In Russ.).

Primako L. Pozhilye lyudi v Rossii: problema social'noj napryazhyonnosti [Elderly people in Russia: the problem of social tension]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2010. № 2 (101). P. 101–112 (In Russ.).

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 05.02.2016 № 164-r «Ob utverzhdenii Strategii dejstvij v interesah grazhdan starshego pokoleniya v Rossijskoj Federacii do 2025 goda» [The order of the government of the Russian Federation of 05.02.2016 № 164-R “On approval of the Strategy of action in the interests of senior citizens in the Russian Federation until 2025»]. [Elektronnyj resurs]: Konsul'tantPlyus [veb-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193464/ (Data obrashcheniya: 29.12.2017) (In Russ.).

Rosstat. Demograficheskij prognoz do 2035 goda Rosstat. [Demographic forecast until 2035]. [Elektronnyj resurs]. Rosstat [veb-sajt]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Data obrashcheniya: 28.06.2017) (In Russ.).

Smirnov A. T. Nizkaya rozhdaemost' i starenie naseleniya: prichiny, posledstviya, varianty politiki [Low fertility and population ageing: causes, consequences, policy options]. *Prognoz*. 2004. № 1. P. 185–198 (In Russ.).

Shchanina E. V. Organizaciya dosuga pozhilyh lyudej [Leisure activities for older persons]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2013. № 4 (28). P. 149–157 (In Russ.).

Smirnova T. V. Pozhilye lyudi: stereotipnyj obraz i social'naya distanciya [Older persons: stereotyped image and social distance]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008. № 8. P. 49–55 (In Russ.).

Starshee pokolenie i budushchee [The older generation and the future]. Ed. by N .M. Rimashevskaja. M.: Ekonomicheskoe obrazovanie. 2014. 221 p. (In Russ.).

Starshee pokolenie moskvichej: kachestvo zhizni i usloviya dlya aktivnogo dolgoletiya [The older generation of Muscovites: quality of life and conditions for active longevity]. M.: OOO «Delovye i yuridicheskie uslugi “LeksPraxis”». 2015. 74 p. (In Russ.).

Stenograficheskiy otchet o zasedanii prezidiuma Gosudarstvennogo soveta «O razvitií sistemy social'noj zashchity grazhdan pozhilogo vozrasta». 5 avgusta 2014 g. Voronezh [Verbatim record of the meeting of the Presidium of the state Council “on the development of the system of social protection of elderly citizens”]. [Elektronnyj resurs]. Prezident Rossii [veb-sajt]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46397> (Data obrashcheniya: 29.12.2017) (In Russ.).

Vasilenko N.YU. *Social'naya gerontologiya. Uchebnoe posobie* [Social gerontology. Textbook]. Vladivostok: TIDOT DVGU publ., 2005. 140 p. (In Russ.).

Global, regional, and national disability-adjusted life years (DALYs) for 306 diseases and injuries and healthy life expectancy (HALE) for 188 countries, 1990–2013: quantifying the epidemiological transition. *The Lancet*. Vol. 386. № 10009. R. 2145–2191. DOI: [10.1016/S0140-6736\(15\)61340-x](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)61340-x).

The Global AgeWatch [web-site]. URL: <http://www.helpage.org/global-agewatch/> (Date of access: 05.06.2017).

Date received by 24.07.2017.